

ЧЕЗАРЕ ЛОМБРОЗО

6 ноября 1835, Верона – 19 октября 1909, Турин.

*Психиатр, преподаватель,
родоначальник антропологического направления
в криминологии и уголовном праве.*

Об этой книге

Чезаре Ломброзо (1835—1909) — знаменитый итальянский психиатр, криминалист и криминолог. В психиатрии он считается родоначальником сразу нескольких научных школ. С точки зрения криминалистики Ломброзо является одним из разработчиков теории судебной идентификации. Криминологи же видят в нем основателя так называемого антропологического направления в криминологии и уголовного праве.

В 1864 году увидело свет первое издание книги Чезаре Ломброзо «Гениальность и помешательство» (русский перевод вышел из печати в 1885 году). Эта книга, безусловно, оказала огромное влияние на развитие психиатрии и понимание гениальности вообще. Сам автор писал в предисловии: «Много лет тому назад... я за 12 дней написал первые главы этой книги. Признаюсь, даже мне самому не было ясно, к каким серьезным практическим выводам может привести созданная мной теория». «Гениальность и помешательство» — это прежде всего классика психиатрии. Книгу Ломброзо не случайно называли «ключом к разгадке таинственной сущности гения». Автор проводит параллель между психически нездоровыми людьми и гениями и в подтверждение своей точки зрения приводит множество примеров. Что, в свою очередь, может служить объяснением множества исторических катаклизмов, которых было немало за время существования человеческой цивилизации.

С другой стороны, Чезаре Ломброзо обвиняли в излишней самоуверенности, даже в шарлатанстве. Он ставил диагнозы великим людям, которые к тому времени давно умерли и, следовательно, уже не могли защититься. По мнению критиков Ломброзо якобы отождествлял гениальность и помешательство. На самом же деле он отмечал невозможность прийти к заключению, что гений и сумасшествие — это две стороны одной медали.

К Чезаре Ломброзо можно относиться по-разному, но в любом случае факт остается фактом: без его работ просто невозможно представить себе развитие не только психиатрии и криминалистики, но и в целом общественной мысли.

Предисловие автора к четвертому изданию

Много лет тому назад, находясь как бы под влиянием экстаза, во время которого мне, словно в зеркале, с полной очевидностью представлялись соотношения между гениальностью и помешательством, я за 12 дней написал первые главы этой книги.

Признаюсь, даже мне самому не было ясно, к каким серьезным практическим выводам может привести созданная мной теория. Я не ожидал, что она даст ключ к пониманию таинственной сущности гения и к объяснению тех странных религиозных маний, которые являлись иногда ядром великих исторических событий; что она поможет установить новую точку зрения для оценки художественного творчества гениев путем сравнения произведений их в области искусства и литературы с такими же произведениями помешанных и, наконец, что она окажет громадные услуги судебной медицине.

В таком важном практическом значении новой теории убедили меня мало-помалу как документальные работы Адриани, Паоли, Фриджеро, Максима Дюкана, Рива и Верга относительно развития артистических дарований у помешанных, так и громкие процессы последнего времени — Манжione, Пассананте, Лазаретти, Гито, доказавшие всем: *мания писательства не есть только своего рода психиатрический курьез, но прямо особая форма душевной болезни, и одержимые ею субъекты, по-видимому совершенно нормальные, являются тем более опасными членами общества, что сразу в них трудно заметить психическое расстройство, а между тем они бывают способны на крайний фанатизм и, подобно религиозным маньякам, могут вызывать даже исторические перевороты в жизни народов.*

Вот почему заняться вновь рассмотрением прежней темы на основании новейших данных и в более широком объеме показалось мне делом чрезвычайно полезным. Не скрою, что я считаю его даже и смелым, ввиду того ожесточения, с каким риторы науки и политики, с легкостью газетных борзописцев и в интересах той или другой партии, стараются осмеять людей, доказывающих — вопреки бредням метафизиков, но с научными данными в руках — полную невменяемость, вследствие душевной болезни, некоторых из так называемых «преступников» и психическое расстройство многих лиц, считавшихся до сих пор, по общепринятому мнению, совершенно здравомыслящими.

На язвительные насмешки и мелочные придирки наших противников мы, по примеру того оригинала, который для убеждения людей, отрицавших движение, двигался в их присутствии, ответим лишь тем, что будем собирать новые факты и новые доказательства в пользу нашей теории. Что может быть убедительнее фактов и кто станет отрицать их? Разве одни только невежды, но торжеству их скоро наступит конец.

Профессор Ч. Ломброзо. Турин, 1 января 1882 г.

I. СХОДСТВО ГЕНИАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ С ПОМЕШАННЫМИ В ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ

Как ни жесток и печален такого рода парадокс, но, рассматривая его с научной точки зрения, мы найдем, что в некоторых отношениях он вполне основателен, хотя с первого взгляда и кажется нелепым.

Многие из великих мыслителей подвержены, подобно помешанным, судорожным сокращениям мускулов и отличаются резкими, так называемыми хореическими телодвижениями. <...>¹

О гениальных людях, точно так же, как и о сумасшедших, можно сказать, что они всю жизнь остаются одинокими, холодными, равнодушными к обязанностям семьянина и члена общества. Микеланджело постоянно твердил, что его искусство заменяет ему жену. Гете, Гейне, Байрон, Челлини, Наполеон, Ньютон хотя и не говорили этого, но своими поступками доказывали еще нечто худшее.

Нередки случаи, когда вследствие тех же причин, которые так часто вызывают сумасшествие, т. е. вследствие болезней и повреждений головы, самые обыкновенные люди превращаются в гениальных. <...>

¹ Публикуется с сокращениями (здесь и далее, если не указано иное, — примечания редакции).

«Очень может быть, что моя болезнь (болезнь спинного мозга) придала моим последним произведениям какой-то ненормальный оттенок», — говорит с удивительной прозорливостью Гейне в одном из своих писем. Нужно, впрочем, прибавить, что болезнь отразилась таким образом не только на его последних произведениях, и он сам сознавал это. Еще за несколько месяцев до усиления своей болезни Гейне писал о себе: «Мое умственное возбуждение есть скорее результат болезни, чем гениальности, — чтобы хотя немного утишить мои страдания, я сочинял стихи. В эти ужасные ночи, обезумев от боли, бедная голова моя мечется из стороны в сторону и заставляет звенеть с жестокой веселостью бубенчики изношенного дурацкого колпака». <...>

Этой зависимостью гения от патологических изменений отчасти можно объяснить любопытную особенность гениальности по сравнению с талантом, в том отношении, что она является чем-то бессознательным и проявляется совершенно неожиданно.

Юрген Мейер¹ говорит, что *талантливый человек действует строго обдуманно; он знает, как и почему он пришел к известной теории, тогда как гению это совершенно неизвестно: всякая творческая деятельность бессознательна.*

Гайдн приписывал таинственному дару, ниспосланному свыше, создание своей знаменитой оратории «Сотворение мира». «Когда работа моя плохо продвигалась вперед, — говорил он, — я, с четками в руках, удалялся в молельню, прочитывал “Богородицу” — и вдохновение снова возвращалось ко мне». <...>

¹ Юрген Бона-Мейер (1829—1897) — немецкий философ, педагог и общественный деятель.

Те из гениальных людей, которые наблюдали за собой, говорят, что под влиянием вдохновения они испытывают какое-то невыразимо приятное лихорадочное состояние, во время которого мысли невольно рождаются в их уме и брызжут сами собой, точно искры из горящей головни

Это прекрасно выразил Данте в следующих строках:

*...I mi son un che, quando
Amore spira, noto ed in quel modo
Che detta dento vo significando¹.*

Наполеон говорил, что

•
*исход битв зависит от одного
мгновения, от одной мысли,
временно остававшейся
бездеятельной; при наступлении
благоприятного момента она
вспыхивает, подобно искре,
и в результате является победа.*
•

Философ Беттинелли называет поэтическое творчество сном с открытыми глазами, без потери сознания, и это, пожалуй, справедливо, так как многие поэты диктовали свои стихи в состоянии, похожем на сон.

Гете тоже говорит, что для поэта необходимо известное мозговое раздражение и что он сам сочинял многие из своих песен, находясь как бы в припадке сомнамбулизма. <...>

¹ Вдохновляемый любовью, я говорю то, что она подсказывает мне (итал.).

Моцарт сознавался, что музыкальные идеи являются у него невольно, подобно сновидениям, а Гофман часто рассказывал своим друзьям: «Я работаю, сидя за фортепьяно с закрытыми глазами, и воспроизвожу то, что подсказывает мне кто-то со стороны». <...>

Сократ первый указал на то, что *поэты создают свои произведения не вследствие старания или искусства, но благодаря некоторому природному инстинкту*. Таким же образом прорицатели говорят прекрасные вещи, совершенно не сознавая этого.

«Все гениальные произведения,— говорит Вольтер в письме к Дидро,— созданы инстинктивно. Философы целого мира вместе не могли бы написать басни “Мор зверей”, которую Лафонтен диктовал, даже не зная хорошенько, что из нее выйдет. Корнель написал трагедию “Гораций” так же инстинктивно, как птица вьет гнездо».

Таким образом, величайшие идеи мыслителей, подготовленные, так сказать, уже полученными впечатлениями и в высшей степени чувствительной организацией субъекта, рождаются внезапно и развиваются настолько же бессознательно, как и необдуманные поступки помешанных.

Этой же бессознательностью объясняется непоколебимость убеждений в людях, усвоивших себе фанатически известные убеждения. Но как только прошел момент экстаза, возбуждения, гений превращается в обыкновенного человека или падает еще ниже, так как отсутствие равновесия (равновесия) есть один из признаков гениальной натуры. Дизраэли отлично выразил это, когда сказал, что у лучших английских поэтов, Шекспира и Драйдена, можно встретить и самые плохие стихи. О живописце Тинторетто говорили, что он бывает то выше Карраччи, то ниже Тинторетто. <...>

Не подлежит никакому сомнению, что между помешанным во время припадка и гениальным человеком, обдумывающим и создающим свое произведение, существует полнейшее сходство.

Припомните латинскую поговорку: «*Aut insanit homo, aut versus fecit*»¹. <...>

Здесь кстати упомянуть о том, что многие из даровитых и в особенности гениальных людей злоупотребляли спиртными напитками. Не говоря уже об Александре Великом, который под влиянием опьянения убил своего лучшего друга и умер после того, как десять раз осушил кубок Геркулеса. Сократ, Сенека, Алкивиад, Катон, а в особенности Септимий Север и Махмуд II до такой степени отличались невоздержанностью, что все умерли от пьянства вследствие белой горячки. Запоем страдали также коннетабль Бурбонский, Авиценна, о котором говорят, что он посвятил вторую половину своей жизни на то, чтобы доказать всю бесполезность научных сведений, приобретенных им в первую половину, и многие живописцы, например Карраччи, Стен, Барбателли, и целая плеяда поэтов — Мюрже, Жерар де Нерваль, Мюссе, Клейст, Майлат и во главе их Тассо Торквато, писавший в одном из своих писем: «Я не отрицаю, что я безумец, но мне приятно думать, что мое безумие произошло от пьянства и любви, потому что я действительно пью много».

Немало пьяниц встречается и в числе великих музыкантов, например Дюссек, Гендель и Глюк, говоривший, что «он считает вполне справедливым любить золото, вино и славу, потому что первое дает ему средство иметь второе, которое, вдохновляя, доставляет ему славу». Впрочем, кроме вина, он любил также водку и наконец опился ею. <...>

¹ «Или безумец, или стихоплет» (лат.).

Если мы обратимся теперь к решению вопроса, в чем именно состоит физиологическое отличие гениального человека от обыкновенного, то, на основании автобиографий и наблюдений, найдем, что по большей части вся разница между ними заключается в утонченной и почти болезненной впечатлительности первого. *Дикарь или идиот мало-чувствительны к физическим страданиям, страсти их немногочисленны, из ощущений же воспринимаются ими лишь те, которые непосредственно касаются их в смысле удовлетворения жизненных потребностей.*

По мере развития умственных способностей впечатлительность растет и достигает наибольшей силы в гениальных личностях, являясь источником их страданий и славы. Эти избранные натуры более чувствительны в количественном и качественном отношении, чем простые смертные, а воспринимаемые ими впечатления отличаются глубиной, долго остаются в памяти и комбинируются различным образом.

Мелочи, случайные обстоятельства, подробности, незаметные для обыкновенного человека, глубоко западают им в душу и перерабатываются на тысячу ладов, чтобы воспроизвести то, что обыкновенно называют творчеством, хотя это только бинарные и кватернарные комбинации ощущений.

Галлер¹ писал о себе: «Что осталось у меня, кроме впечатлительности, этого могучего чувства, являющегося следствием темперамента, который живо воспринимает радости любви и чудеса науки? Даже теперь я бываю тронут до слез, когда читаю описание какого-нибудь великодушного поступка. Свойственная мне чувствительность, конечно, и придает моим стихотворениям тот страстный тон, которого нет у других поэтов».

¹ Альбрехт фон Галлер (1708—1777) — швейцарский анатом, физиолог, ботаник и поэт.

«Природа не создала более чувствительной души, чем моя», — писал о себе Дидро. В другом месте он говорит: «Увеличьте число чувствительных людей — и вы увеличите количество хороших и дурных поступков». Когда Альфьери¹ в первый раз услышал музыку, то был, по его словам, «поражен до такой степени, как будто яркое солнце ослепило мне зрение и слух; несколько дней после того я чувствовал необыкновенную грусть, не лишенную приятности; фантастические идеи толпились в моей голове, и я способен был писать стихи, если бы знал тогда, как это делается...» В заключение он говорит, что ничто не действует на душу так неотразимо могущественно, как музыка. Подобное же мнение высказывали Стерн, Руссо и Ж. Санд. <...>

Стерн, после Шекспира наиболее глубокий из поэтов-психологов, говорит в одном письме: «Читая биографии наших древних героев, я плачу о них, как будто о живых людях... *Вдохновение и впечатлительность — единственные орудия гения. Последняя вызывает в нас те восхитительные ощущения, которые придают большую силу радости и вызывают слезы умиления.*»

Известно, в каком рабском подчинении находились Альфьери и Фосколо² у женщин, не всегда достойных такого обожания. Красота и любовь Форнарины³ служили для Рафаэля источником вдохновения не только в живописи,

¹ Витторио Альфьери (1749—1803) — итальянский поэт и драматург, «отец итальянской трагедии».

² Никколо Уго Фосколо (1778—1827) — итальянский поэт, переводчик и филолог.

³ Форнарина (конец XV — первая половина XVI в.) — возлюбленная и натурщица Рафаэля, дочь булочника, настоящее имя которой было, как считается, Маргерита Лути.

но и в поэзии. Несколько его эротических стихотворений до сих пор еще не утратили своей прелести.

А как рано проявляются страсти у гениальных людей! Данте и Альфьери были влюблены в 9 лет, Руссо — в 11, Каррон и Байрон — в 8. С последним уже на 16-м году сделались судороги, когда он узнал, что любимая им девушка выходит замуж. «Горе душило меня,— рассказывает он,— хотя половое влечение мне было еще незнакомо, но любовь я чувствовал до того страстную, что вряд ли и впоследствии испытал более сильное чувство». На одном из представлений Кина¹ с Байроном случился припадок конвульсий. <...>

Ампер до такой степени живо чувствовал красоты природы, что едва не умер от счастья, очутившись на берегу Женевского озера. Найдя решение какой-то задачи, Ньютон был до того потрясен, что не мог продолжать своих занятий. Гей-Люссак и Дэви после сделанного ими открытия начали в туфлях плясать по своему кабинету. Архимед, восхищенный решением задачи, в костюме Адама выбежал на улицу с криком: «Эврика!» («Нашел!») *Вообще, сильные умы обладают и сильными страстями, которые придают особенную живость всем их идеям; если у некоторых из них многие страсти и бледнеют, как бы замирают со временем, то это лишь потому, что мало-помалу их заглушает преобладающая страсть к славе или к науке.*

Но именно эта слишком сильная впечатлительность гениальных или только даровитых людей является в громадном большинстве случаев причиной их несчастий, как действительных, так и воображаемых. <...>

¹ Эдмунд Кин (1787/1789—1833) — знаменитый английский актер эпохи романтизма.